

ИВАН КАПИТОНОВИЧ ЛУППОЛ: РЕНЕССАНСНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТИСКАХ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА

Академик Иван Капитонович Луппол – выдающийся историк философии, один из организаторов Института философии. Он разделил судьбу всего первого поколения сотрудников Института, которые погибли в результате сталинских репрессий. Современник так описывал его внешность:

«Встречаясь с И.К.Лупполом, каждый раз я удивлялся, как внутреннее благородство этого человека отражается на его внешнем облике. Выше среднего роста, светловолосый, с большими серо-голубыми глазами, всегда подтянутый, элегантно одетый, всем своим обликом он производил впечатление удивительно спокойного и рассудительного человека. За годы знакомства с ним я никогда не слышал повышенного голоса, раздражительного тона. Он был всегда спокоен и вежлив»¹.

Иван Капитонович Луппол родился 1 (13) января 1896 г. в Ростове-на-Дону. Архивные данные позволяют подробнее рассказать о родных И.К.Луппола. Его отец, К.С.Лупул, был родом из села Кочиеры Дубоссарского района Молдавии². Не получив среднего образования, он с семнадцати лет служил в органах Госбанка, став со временем контролером Ростовской конторы, а затем дослужился до должности управляющего Курским отделением. В 1915 г. он вышел в отставку и в 1916 г. скончался 56 лет от роду. Мать была домашней хозяйкой; после смерти мужа находилась на иждивении И.К.Луппола и его брата; скончалась в 1926 г. Брат И.К.Луппола с 1908 г. служил в Госбанке, в 1936 г. умер в служебной командировке. Сестра И.К.Луппола была замужем за нотариусом в Витебске, заведовала вузовской библиотекой.

Иван Луппол имел счастливую возможность учиться в Витебской гимназии благодаря социальному положению отца. Обладая соответствующими способностями, он не только изучил классические языки, но и свободно овладел английским, немецким и французским языками. В 1914 г. он окончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. После смерти отца ему пришлось зарабатывать на жизнь уроками или же брать на дом работу по переписке набело тех или иных документов. Потом он служил курьером в типографии «Задруга», а после революции, с июля 1918 г. корректором в литературно-издательском отделе Наркомпроса.

В марте 1919 г. И.К.Луппол окончил Московский университет и вступил в Красную армию в качестве политпросветработника и пропагандиста на фронте и в прифронтовой полосе. Он побывал на Каспийско-Кавказском, Восточном, Западном, Северо-Кавказском фронтах, затем служил в Пятигор-

¹ Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 94.

² В Молдавии время от времени вспоминают о знаменитом земляке. И.К.Лупполу были посвящены статьи в журнале «Кодры» (1988. № 9. С. 125–128) и в газете «Независимая Молдова» (2003. 14 февраля).

ске в Северо-Кавказском ревкоме, где в июне 1920 г. вступил в партию³. Последняя высшая должность И.К.Луппола в армии – заведующий курсовой секцией Политуправления РВС Республики. Демобилизовавшись, он был вновь направлен на работу в Наркомпрос заместителем заведующего подотделом подготовки работников отдела пропаганды.

В ноябре 1921 г. И.К.Луппол был зачислен слушателем философского отделения Института красной профессуры. Заведующий этим отделением А.М.Деборин сумел собрать в первый состав слушателей талантливейших людей, которые в основном пришли с фронтов Гражданской войны, и за три года благодаря той системе подготовки, которая была здесь принята, превратить их в первоклассных специалистов-философов, которые еще через несколько лет смогли сказать свое слово в мировой философии. Слушатели должны были самостоятельно прорабатывать первоисточники, в основном отсутствовавшие на русском языке, и выступать с проблемными докладами на регулярных семинарах. Семинары вели главным образом А.М.Деборин и Л.И.Аксельрод. В ИКП И.К.Луппол основательно занялся французской философией эпохи Просвещения. Его доклад о Мабли и Морелли как один из лучших докладов слушателей был опубликован в сборнике трудов Института. В годы учебы И.К.Луппол подготовил свою самую известную монографию – книгу о Дидро, которая вышла из печати в 1924 г.

Помимо учебной работы, слушатели ИКП должны были вести также педагогическую и пропагандистскую работу. В этом смысле, из ИКП выходили люди с высокой степенью социальной зрелости, способные выступать перед аудиторией и общаться с людьми. И.К.Луппол в годы учебы два года отработал в Академии коммунистического воспитания, три года в Пединституте им. К.Либкнехта, один год на педфаке 2-го МГУ.

В июне 1924 г. И.К.Луппол окончил ИКП и был направлен в Институт Маркса и Энгельса ученым секретарем и заведующим философским кабинетом. В последней должности он сменил А.М.Деборина, ставшего заместителем директора Института. Философский кабинет ИМЭ в то время аккумулировал всю новейшую текущую литературу и периодику по философии, комплектовал библиотеку Института собраниями сочинений классиков философии. В 1924 г. XIII съезд РКП(б) постановил провести чистку непроизводственных парторганизаций. Проверочная комиссия МКК РКП(б) исключила И.К.Луппола из партии как социально чуждого, не сжившегося с партией элемента. Кроме неподходящего социального происхождения среди недостатков И.К.Луппола в постановлении указывалось также, что он не участвовал в боях и в партработе себя не проявил. МКК подтвердило исключение из партии сроком на 1 год с правом вступления вновь через рабочую ячейку. Но, видимо, нашлось кому заступиться за И.К.Луппола среди тех, кто смог оценить его выдающиеся способности. 28–30 июля 1924 г. ЦКК РКП(б) признала необоснованными выдвинутые против И.К.Луппола обвинения и восстановила его в партии⁴.

В 1924–1927 гг. И.К.Луппол опубликовал ряд работ, в которых проанализировал философские идеи Ленина. Он стал первопроходцем этой темы. В 1931 г. книга И.К.Луппола о Ленине была переведена в Германии. Сорат-

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 0009176 (1936).

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 152611.

ник И.К.Луппола по дебординской школе Г.К.Баммель писал в рецензии на одну из указанных работ, что она мала по своим размерам и велика по своим достоинствам:

«Автор понял свою задачу как нечто большее, чем изложение. Предельная простота и ясность изложения соединены у него с максимумом требований серьезного методологического характера, отметающих с самого начала всякое упрощенчество. Автор не разбрасывается. Не повторяется. Мысль – и притом почти без единой цитаты – развивается стройно, и вся брошюра представляет собою нечто цельное и логически единое»⁵.

Г.К.Баммель назвал работу И.К.Луппола лучшим систематическим изложением философских взглядов Ленина. Рецензент журнала «Летописи марксизма» отметил в книге И.К.Луппола о Ленине «строго последовательное развертывание смысла материалистической диалектики как научной методологии»⁶. Азербайджанский философ Дж.Нагиев оценил то, что И.К.Луппол сделал акцент на ленинских идеях о единстве гносеологии, теории диалектики и методологии знания, о восхождении от абстрактного к конкретному через «клеточку» познания, о роли метода раздвоения единого и анализа диалектических противоречий⁷. В свете сказанного интерес представляет оценка работы И.К.Луппола о философских взглядах Ленина, высказанная представителем течения «механистов» С.Ф.Васильевым: «Во всяком случае, высказанные тов. Лупполом взгляды являются *его* собственными взглядами, а не точкой зрения Ленина»⁸. Без этого будет непонятно своеобразие советской философии второй половины 1920-х годов. Обращение И.К.Луппола к ленинской теме было ничем иным, как творческим заданием исследователя самому себе. Изложение вопроса велось философом не от имени «единственно верного учения», т. е. анонимно, а от своего собственного имени. Пройдет всего несколько лет, и выступление на ленинскую тему в подобном стиле станет достаточным основанием для смертного приговора.

В своих работах о Ленине И.К.Луппол первым в марксистской литературе специально разработал проблемы культуры. Его приоритет был отмечен рецензентами⁹. Интерес представляет вклад И.К.Луппола в определение сущности культуры. В одной из статей¹⁰ он привел определение культуры, данное известным историком М.Н.Покровским: «Культура есть совокупность всего созданного усилиями человека в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа». Это определение, фиксирующее культуру как искусственную среду, объединяет материальную и духовную разновидности культуры. Однако И.К.Луппол обратил внимание на то, что в этом правильном по существу определении присутствует опасность смешения духовного с сознательным. При таком ограниченном толковании из области культуры выпадут привычки, навыки, обычаи, т. е. то, что составляет сферу быта и нравов. Весьма ценна идея И.К.Луппола о том, что духовную культуру создают не только сознательные и осознаваемые усилия человека, но усилия, затрачивающиеся бессознательно, в среде повседневности.

⁵ Печать и революция. 1925. № 3. С. 181.

⁶ Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 98.

⁷ Вестник Коммунистической академии. 1927. № 19. С. 244–249.

⁸ Печать и революция. 1927. № 2. С. 133.

⁹ Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 98; Вестник Коммунистической академии. 1927. № 19. С. 249.

¹⁰ Луппол И.К. Проблема культуры в постановке Ленина // Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 1–19; № 7. С. 14–28.

И.К.Луппол даже полагает, что суть культуры составляют именно привычки, быт и нравы в большей степени, чем наука, литература и искусство. Причем эти привычки и нравы, понятые как основа культуры, образуют, по Лупполу, непрерывную нить, разрывы в которой опасны для культуры. Становление новой культуры должно поэтому означать не искусственное изобретение каких-либо культурных форм, а разматывание этой непрерывной нити через максимальное освоение существующих форм все более и более широкими массами населения. Ссылаясь на Ленина, И.К.Луппол высмеивает тех деятелей, которые пытались сконструировать некую особую пролетарскую науку и пролетарскую культуру. Он показывает антиисторичность подобных попыток. В особенности уместной эта критика была потому, что популярное в начале 1920-х гг. движение Пролеткульта возглавлялось А.А.Богдановым и его единомышленниками – давними философскими противниками Ленина, Плеханова, Деборина, а в 1920-е гг. – и деборинской школы. Вывод И.К.Луппола о том, что недопустимо утверждать, будто существуют две естественные науки – одна буржуазная, а другая пролетарская, был весьма важен и в свете последующей идеологизации советской науки при Сталине.

После окончания ИКП И.К.Луппол стал одним из ближайших соратников А.М.Деборина. Главным направлением его деятельности была история философии. Можно сказать, что во второй половине 1920-х гг. А.М.Деборин и И.К.Луппол при некотором участии В.Ф.Асмуса сформулировали современную проблематику историко-философской науки в нашей стране. Какой могла быть и была историко-философская наука в России до революции? Профессиональная философия в России, не успев возникнуть, оказалась в середине XIX века под запретом царского правительства. После отмены запрета понадобилось около десяти лет, чтобы она встала на ноги. Какие же философы прошлого могли быть предметом ее изучения в последующие годы? Античные философы (но далеко не все и под специфически христианским углом зрения), отцы церкви и некоторые философы Нового времени, скажем, Лейбниц и Кант. Новоевропейская философия в её разнообразии не могла быть допущена к читателю по идеологическим соображениям. Достаточно сказать, что в 1868 г. царская цензура уничтожила первый русский перевод «Левиафана» Гоббса. В 1914 г. исследование В.А.Беляева «Спиноза и Лейбниц» было осуждено Святейшим Синодом. Автор поставил целью защитить религию и идеализм от пантеизма, но попутно вынужден был излагать воззрения Спинозы, за что не был утвержден в ученой степени. Должна была произойти революция, чтобы философия Нового времени могла систематически изучаться в России. Заслуга осуществления этого дела принадлежит А.М.Деборину и его школе. А.М.Деборин привлек своих учеников к переводу и изданию первоисточников. Во второй половине 1920-х гг. в специально созданных сериях «Библиотека материализма» и «Библиотека атеизма» впервые на русском языке вышли философские сочинения Т.Гоббса, Дж.Толанда, Ж.О.Ламетри, Д.Дидро, К.А.Гельвеция, П.А.Гольбаха, Л.А.Фейербаха.

В подготовке томов к изданию И.К.Луппол оказывал помощь А.М.Деборину. Если говорить о личном вкладе И.К.Луппола в эту работу, то ему принадлежат предисловия к изданиям Дидро, Гольбаха, Нежона, библиографические комментарии к сочинениям Дидро, Гольбаха, Ламетри. Кроме того, им выполнены комментарии ко всем разделам «Книги для чтения по истории философии» А.М.Деборина, которая в качестве хрестоматии заменяла читателю еще не полностью вышедшие по-русски произведения философов Нового времени. Само собой понятно, какой профессиональной

культурой, каким знанием мировой философской литературы, как прежней, так и текущей, необходимо обладать, чтобы выполнять подобную работу. И.К.Луппол вел также большую редакционную работу. Им было опубликовано огромное количество рецензий на историко-философскую литературу.

Когда в 1928 г. было принято решение о подготовке «Философской энциклопедии», И.К.Луппол был включен в состав редсовета, и ему было поручено возглавить редакцию истории философии. «Философскую энциклопедию» деборинцам выпустить не дали. Частично их планы были реализованы в первых вышедших томах «Большой советской энциклопедии». И здесь И.К.Луппол был рекордсменом по количеству историко-философских статей. Им написаны статьи «Английская философия», «Бердяев», «Беркли», «Бонне», «Бюхнер», «Гассенди», «Гоббс», «Гольбах», «Дидро».

Первой фундаментальной монографией И.К.Луппола стала книга о Дидро. В ней прослежен жизненный путь мыслителя и всесторонне проанализированы его философские взгляды. Думается, сам выбор Лупполом фигуры Дидро глубоко не случаен: яркая и богатая фигура Дидро по-человечески привлекала его: оптимизм, воля, жизнелюбие, разносторонность, литературный дар, блеск, остроумие Дидро были близки самому Лупполу. М.О.Гершензон в своей рецензии на книгу И.К.Луппола о Дидро высоко оценил ее как в научном, так и в литературном отношении¹¹.

В Европе монографии о Дидро как о философе появлялись с 60-х годов XIX века. В России изучение философских идей мыслителя-материалиста и атеиста было немислимо. И это при том, что копии большинства рукописей были приобретены Екатериной II для императорской библиотеки, но не были доступны исследователям. На момент публикации монографии И.К.Луппола (1924 г.) «за самыми немногими исключениями работы Дидро, послужившие предметом настоящего исследования, продолжают оставаться неизвестными русскому читателю», – как писал сам И.К.Луппол в предисловии к книге. И.К.Луппол выступил не только первым в России исследователем, но и первым публикатором философских текстов Дидро. Первым опытом здесь было издание избранных трудов философа под руководством А.М.Деборина. В 1935 г. И.К.Луппол начал выпуск 10-томного академического собрания сочинений Дидро на русском языке. Собственно Деборину и Лупполу мы обязаны началом изучения Дидро в России.

Нельзя забывать, что Дидро в частности и французская философия вообще – лишь один из сюжетов многогранной историко-философской работы Ивана Капитоновича Луппола. Помимо любимых им просветителей, он интенсивно занимался творцами систем XVII века: Декартом, Спинозой, Гоббсом, Гассенди, прекрасно знал английскую философию, изучал современную ему американскую философию. Излишне говорить о его владении текстами классиков марксизма, некоторые из которых им же и были впервые опубликованы. Литературное наследие академика И.К.Луппола очень богато как в философском, так и в литературоведческом плане.

Период полной творческой свободы длился для деборинцев недолго – до декабря 1929 г. Приходится поражаться фантастической работоспособности А.М.Деборина, И.К.Луппола, Г.К.Баммеля, Н.А.Карева и их товарищей, столько успевших за пять лет – от организации Философской секции Комма-

¹¹ Гершензон М.О. Рец. на кн.: Луппол И.К. Денни Дидро. М.: Новая Москва, 1924. 326 с. // Книгоноша. 1924. 2 августа. № 30. С. 7.

кадемии (1926) до создания Института философии (1929) – как в плане научном, так и в плане организационном. Тем более, если учесть, что всем им, кроме их учителя, было тогда двадцать пять–тридцать лет.

При организации Философской секции Комакадемии И.К.Луппол наряду с К.К.Милоновым, Я.Э.Стэном и А.Я.Троицким был включен А.М.Деборин в состав бюро секции. В феврале 1927 г. А.М.Деборин сообщил Президиуму Комакадемии, что в рамках работы секции И.К.Лупполу и В.Ф.Асмусу поручено издание философских первоисточников.

В ноябре 1927 г. И.К.Луппол вместе с А.М.Дебориным и Г.К.Баммелем был одним из основных докладчиков на торжественном заседании секции, посвященном десятилетию революции¹². Он осветил историю философского развития России за десять предыдущих лет. Сначала была решена, отметил докладчик, задача защиты философии от нигилистических нападков, был преодолен предрассудок, согласно которому марксизм есть только социальное учение. Выдвинулась задача материалистической разработки диалектики и изучения ее «прообраза в лице диалектики Гегеля». «Механисты», по мнению И.К.Луппола, обнаружили довольно узкое понимание диалектики: говорили, что развитие естествознания делает ненужной диалектику, что диалектическое понимание природы и есть, собственно, ее механистическое понимание.

Необычайно бурно в научной периодике тех лет обсуждались историко-философские темы: о Канте, о Спинозе, о методологии истории философии как самостоятельной отрасли знания. Во всей этой философской борьбе вопрос о диалектике был линией раздела. Со стороны механистов по историко-философским вопросам выступали Л.И.Аксельрод, А.И.Варьяш, А.А.Ческис, З.А.Цейтлин, И.А.Боричевский, со стороны диалектиков-деборинцев – А.М.Деборин, И.К.Луппол, Г.К.Баммель, В.Ф.Асмус, К.В.Гребенев. В частности, И.К.Луппол подверг критике трактовку философии Декарта, данную З.А.Цейтлином, а также наряду с В.Ф.Асмусом выступил против историко-философской концепции А.И.Варьяша¹³. В серии статей И.К.Луппол раскритиковал не только историко-философские, но и общие позиции механистов, показав, что течение механистов есть не что иное, как нигилистическая, позитивистская реакция на успехи развития диалектики как теории и методологии¹⁴. Наибольший интерес представляет критика им воззрений основоположника течения механистов И.И.Скворцова-Степанова, который призывал отменить преподавание истории философии в вузах и утверждал, что фактов эмпирического естествознания достаточно, чтобы понять всеобщие связи явлений природы. И.К.Луппол показал, что подобный эмпиризм наряду с презрением к диалектике оборачивается своей противоположностью, спиритуализмом. Главное же то, что, отрицая необходимость философского осмысления процесса научного познания, естественники на деле все равно подвергают свою работу философскому осмыслению, только происходит это полубессознательно и несистематически. Эти споры о роли философии в научном познании как нельзя более актуальны в связи с современными антифилософскими поползновениями представителей частных наук, выразившимися в исключении философии из списка аспирантских экзаменов и резком сокращении учебных часов, выделенных на ее изучение студентами.

¹² Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 129.

¹³ См.: Каменский З.А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001.

¹⁴ Воинствующий материалист. 1925. Вып. 3. С. 270–277; Вып. 4. С. 39–47; Вып. 5. С. 39–59.

Когда в 1928 г. Философская секция Комакадемии была объединена с Институтом научной философии РАНИОН в Институт философии Комакадемии, И.К.Луппол был утвержден действительным членом Института, вошел в состав его Правления и был назначен заведующим секцией истории философии.

В целом научно-организационная работа, которую проводил И.К.Луппол во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., была огромной и масштабной. В марте 1927 г. – феврале 1929 г. он состоял ответственным секретарем Центрального бюро Союза работников просвещения; в ноябре 1929 г. – мае 1932 г. заведовал сектором науки Наркомпроса и до января 1934 г. был членом коллегии Наркомпроса. Он выступал с докладами на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека и Всесоюзном музейном съезде. В журнале «Научный работник» регулярно печатались статьи И.К.Луппола по вопросам организации науки в стране. Большое внимание он уделял зарубежным стажировкам специалистов. Научно-организационная деятельность И.К.Луппола сама по себе заслуживает особого исследования.

Философы деборинской школы, в особенности такие, как сам А.М.Деборин, как И.К.Луппол или Б.М.Гессен, были известны не только в нашей стране, но и за рубежом. А.М.Деборин восстановил существовавшую до революции практику стажировки молодых ученых за границей. Десятки философов, окончивших ИКП, получили такую возможность. И.К.Луппол по роду своих занятий историей западной философии был не только чрезвычайно заинтересован в таких поездках, но и был подготовлен к максимально результативному посещению библиотек, архивов, музеев, научных учреждений европейских стран благодаря знанию нескольких языков и высокому уровню образования. В июле–сентябре 1927 г. И.К.Луппол побывал в своей первой зарубежной командировке в Берлине и Париже. В особенности И.К.Луппола интересовала философия Дешана и Робине, философов, ранее не привлекавших внимания исследователей. В Пуатье он изучал рукописи Дешана до того, как они были опубликованы в СССР и во Франции. Иначе говоря, И.К.Луппол изучил французскую философию по фондам французских архивов и библиотек так, как ее не знали сами французы. Вместе с тем, он смог донести до русского читателя, и не мечтавшего побывать в Берлине и Париже, обстановку, атмосферу, настроение этих городов в серии путевых очерков¹⁵. В июле 1928 г. И.К.Луппол вновь побывал в Берлине.

После того как в декабре 1929 г. А.М.Деборин отказался написать к пятидесятилетию Сталина статью для «Правды» о Сталине как о величайшем философе всех времен и народов, против деборинского философского руководства по указанию Сталина начали наступление «молодые силы» выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б.Митиным. Они стремились превратить философию в инструмент обслуживания текущих политических интересов «хозяина». Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась тогда в Институте философии, не могла не пасть жертвой идеологической кампании по сталинизации философии. По решению ЦК ВКП(б), которое пока еще не объявлялось официально, А.М.Деборину и его сторонникам было запрещено: проводить в 1930 г. Всесоюзную философскую конференцию, начать издавать журнал «Проблемы философии», сдать в печать подготовленную в Институте «Философскую энциклопедию» и составить делегацию для поездки в Оксфорд на VII Всемир-

¹⁵ Революция и культура. 1927. № 1. С. 68–73; № 2. С. 57–64.

ный философский конгресс. Работа Института философии была полностью парализована, Институт красной профессуры подвергся реорганизации. Из единого ИКП был выделен ИКП философии, в кресла руководителей которого были посажены Митин и Юдин. Все выпускники ИКП и аспирантуры Института, поддерживавшие А.М.Деборина, сразу же получали направление на работу в провинцию.

Первый открытый бой существующего и будущего, рвавшегося к власти философского руководства состоялся на совместном заседании партийных фракций Института философии Коммунистической академии и московской организации Общества воинствующих материалистов-диалектиков, проходившем 20–24 апреля 1930 г. Но на этом собрании пока еще была принята резолюция в поддержку деборинцев. В апреле–июне 1930 г. в ходе партийных собраний в ИКП И.К.Луппол выступал в защиту позиций деборинцев. Когда нападение на деборинцев своими силами не удалось, М.Б.Митин и его сторонники развернули наступление на деборинцев в партийной печати, статьи в которой носили установочный характер. Сталин дал задание заведующему Агитпропом ЦК ВКП(б) А.И.Стецкому и председателю ЦКК ВКП(б) Е.И.Ярославскому принять необходимые организационные меры. Непосредственное руководство этой операцией осуществлял помощник заведующего Агитпропом ЦК Э.Я.Кольман. Против деборинцев повели наступление со страниц газеты «Правда» и журнала «Большевик».

7 июня 1930 г. в «Правде» была опубликована знаменитая «статья трех», М.Б.Митина, В.Н.Ральцевича и П.Ф.Юдина, в которой выдвигались политические обвинения в адрес деборинцев, упреки в отставании философии «от задач социалистического строительства». Последние ответили статьей в журнале «Под знаменем марксизма»¹⁶, подписанной всеми их видными представителями: А.М.Дебориным, И.К.Лупполом, Я.Э.Стэнном, Н.А.Каревым, И.П.Подволоцким, Б.М.Гессеном, М.Л.Левиным, И.И.Аголом, С.Г.Левитом, Ф.Е.Тележниковым. В статье была дана содержательная защита проводившейся ими линии на разработку теоретических проблем материалистической диалектики и философии естествознания, на отставание специфики философии, против смешения философии и политики. Однако оппоненты деборинцев вели полемику в совершенно ином ключе, находили у них «ошибки троцкистского характера» и требовали «большевизации на философском фронте».

В июле 1930 г. И.К.Луппол выехал в очередную научную командировку сначала в Германию, затем в Париж. Именно в эти летние месяцы 1930 г. и предстояло окончательно решить вопрос об объеме и характере советского участия в VII Всемирном философском конгрессе в Оксфорде. Это был единственный пункт программы наступления на деборинцев, который нельзя было осуществить безболезненно, поскольку он грозил обернуться внешнеполитическим провалом, «утратой лица» советской науки на международной арене. Поэтому ни Митин, ни его покровители из ЦК не могли без ущерба для репутации страны отказаться от приглашения на Конгресс. Кроме того, в ЦК ВКП(б) понимали, что составить делегацию из таких «мыслителей», как Митин или Юдин, – еще хуже, чем не послать никого и фактически опозориться. Тем более, что эти борцы «за большевизацию на философском фронте» были не в состоянии прочитать свой доклад на каком-нибудь из официальных языков Конгресса по простой причине незнания иностранных языков. В результате на протяжении нескольких месяцев руководство Института философии

¹⁶ Под знаменем марксизма. 1930. № 5. С. 139–149.

(А.М.Деборин, Н.А.Карев, Б.М.Гессен, И.П.Подволоцкий) пыталось достучаться до ЦК, чтобы получить разрешение на формирование делегации для участия в Конгрессе. ЦК, притворяясь непонимающим и «глухим», постоянно оттягивал решение вопроса до того момента, когда уже становится поздно посылать заявку на доклады: их просто невозможно включить в сформированную и отпечатанную Программу Конгресса. Но при этом ЦК не отклонял самой желательности нашего участия в Конгрессе. Решение было принято 31 августа 1930 г., то есть буквально накануне открытия Конгресса, намеченного на 1 сентября, им Секретариат ЦК ВКП(б) направлял в Оксфорд делегацию в составе всего двух человек: А.М.Деборина и И.К.Луппола. Это решение было ничем иным, как издевательством над деборинским философским руководством. Формально просьба о поездке была удовлетворена, а фактически были утверждены всего лишь две кандидатуры и только кандидатуры тех, кому ехать было затруднительно. А.М.Деборин от незаслуженных унижений заболел, находился на грани нервного срыва и перестал появляться на работе, а И.К.Луппол в тот момент находился в научной командировке во Франции, и с ним еще никто не связывался по этому вопросу. Несмотря на эти искусственно созданные для деборинцев форс-мажорные обстоятельства, И.К.Луппол сумел собраться и интеллектуально, и организационно, смог защитить честь своей философской школы и советской науки в целом. И.К.Луппол должен был выступать в разделе А «Метафизика» в секции 1 на тему «Согласуется ли философия истории с фактами истории?». Согласно программе Конгресса заседание раздела А происходило 2 сентября. С учетом сказанного выше, вообще непонятно, когда он успел написать свой доклад, при том что это надо было сделать на одном из официальных языков Конгресса. И.К.Луппол написал и зачитал свой доклад на немецком языке. А ведь надо было еще добратся из Парижа в Англию и как-то обустроиться в Оксфорде.

В своей секции И.К.Луппол был одним из пяти официальных выступающих, иначе говоря, приглашенных докладчиков. Выступления двух из них – Мориса Коэна и Р.Ф.Хоэрнлэ – показались И.К.Лупполу неинтересными, не заключавшими в себе оригинальной постановки проблемы. Сильное впечатление на него произвел доклад Николая Гартмана, поставившего вопрос об основных категориях философии истории. По словам И.К.Луппола, «доклад Гартмана блистал диалектикой объективного духа, гегельянской идеалистической диалектикой!!»¹⁷. Несогласие И.К.Луппола вызвал доклад Ж.Шевалье, который из того обстоятельства, что в истории действует статистическая причинность, делал вывод об отсутствии законов истории.

В своем докладе И.К.Луппол критически оценил как классическую философию истории XVIII–XIX веков, так и современную теоретическую социологию. Основным недостаток классической философии истории он усмотрел в том, что творцы философско-исторических схем основывали их на субъективных абстракциях, принимая одну область действительности за всю действительность, единичное и особенное – за всеобщее, часть – за целое. Мысль И.К.Луппола справедлива: достаточно вспомнить «разум» Кондорсе, «гуманность» Гердера, «науку, искусство и промышленность» Сен-Симона, «дух» Гегеля. В философии истории не была решена проблема идеала собственно исторического объяснения, вследствие чего в качестве эталонных заимствовались методы и категории других наук, доминирующих в соответствующий период в научной картине мира (механики – у Гоббса, физики – у

¹⁷ Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 40–41. С. 272.

Конта, биологии – у Спенсера). Ныне, отмечал И.К.Луппол, на нормотворческую роль в истории претендуют коллективная рефлексология и психоанализ. Не будучи адекватными исторической форме движения действительности, эти модели остаются внешними для истории. Современная теоретическая социология, взяв в качестве объекта «общество вообще», не в силах дать его в его конкретности, категории ее – «пустые всеобщности». Социология изолирует связанные друг с другом моменты общественной действительности, в результате чего действительность под аналитическим скальпелем социолога из живого тела превращается в мертвое. Созерцательный подход к своему объекту придает социологии метафизический характер в гегелевском смысле этого слова. Предметы описываются статистически, в лучшем случае – стадийно. Как марксист И.К.Луппол обратил внимание на фактор социальной позиции исследователя, отметив не только связанные с ним трудности в обеспечении объективности познания, но и содержащиеся в нем эвристические возможности. Подход к истории общества с позиций прогрессивного класса обеспечивает такое условие объективности познания, как способность выйти за пределы изучаемого объекта, посмотреть на него со стороны и увидеть не только наличное состояние, но и тенденции его развития. К истории, утверждал И.К.Луппол, следует применять конкретные абстракции, категории диалектической логики, с тем, чтобы представить общество как сложную развивающуюся органичную целостность, а историю – как процесс самодвижения внутренне опосредованного предмета, имеющий определенные тенденции. Историческое действие, превращение теории в материальную силу И.К.Луппол рассматривает как момент самого процесса исторического познания, который завершает исследовательский процесс, определяя своими результатами его следующую стадию.

Для зарубежных коллег был очевиден философский профессионализм И.К.Луппола. Но его положение как представителя советской философии в Оксфорде было двусмысленным. 26 августа 1930 г. «Правда» поместила большую рецензию В.Н.Ральцевича на книгу И.К.Луппола «Ленин и философия», в которой книга была названа «антиленинской», а сам выход ее расценен как «одно из наиболее ярких свидетельств неблагополучия на философской вышке в нашей стране»¹⁸. Легко представить, какие противоречивые чувства владели Лупполом в Оксфорде: он должен был там защищать философскую систему, от приверженности которой его только что публично отлучили, сопроводив это лагерной лексикой.

В сентябре 1930 г. И.К.Луппол вернулся в Москву, но в самой острой фазе борьбы сталинистов с деборинцами он участия не принимал, да и не стремился к тому. Как же объяснить публикацию рецензии Ральцевича в «Правде»? Не про всякого деборинца «Правда» печатала отдельную статью. Почему же подобной «честью» удостоился И.К.Луппол? Отнюдь не из-за его научного «веса», который в данном случае никого не интересовал. «Вес» фигуре Луппола придавало другое: то, что он вместе с Дебориным, но даже раньше его стал первопроходцем темы «Ленин как философ». А главным пунктом обвинительной программы сталинистов по разгрому советской философии было «игнорирование» Дебориным и его коллегами философских идей Ленина. Дубинка «ленинского этапа» и его «недооценки» стала у непрофессионалов и доносчиков надежным средством уничтожения талантливых философов на протяжении десятилетий. В заготовленную схему обвинительного заклю-

¹⁸ Ральцевич В.Н. Рец. на кн.: Луппол И.К. Ленин и философия. М.–Л., 1930 // Правда. 1930. 26 авг.

чения не вписывалась лишь одна мелочь: историческая правда о том, кто и когда занялся философскими идеями Ленина. Нужно было замазать эту правду, оболгать реальных участников событий, чтобы под вывеской надуманного «ленинского этапа» провозглашать в действительности наступивший сталинский этап. Фигура Луппола была в этой ситуации одним из основных препятствий на пути фальсификации истории советской философии. Отсюда та злоба, тот разнузданный тон, которым написана статья В.Н.Ральцевича. Он доходит до обвинений в том, будто у И.К.Луппола значение работ «Ленина в развитии философии марксизма сведено к более чем скромной роли дополнения к философским писаниям И.К.Луппола»¹⁹. Мало того, статья Ральцевича прекрасно демонстрирует истинное отношение сталинистов к Ленину и его идеям. Хорошо известен интернационализм Ленина, о чем писал и Луппол. Эти места вызвали раздраженную отповедь Ральцевича в «механическом повторении» идей Ленина «в нашу эпоху», когда «после работ Сталина» они якобы устарели. Оказалось, что при господстве «ленинского этапа» повторить кое-какие идеи Ленина – преступление.

Сказанное – лишь один пример того, какой «обработке» подвергли сталинисты тексты деборинцев. Разбирать завалы из подлости и лжи – не очень-то приятное занятие. Мы должны быть благодарны Н.Б.Коршунову, который, проанализировав «состав обвинений», которые предъявлялись деборинцам, и сопоставив их с текстами работ Деборина, Луппола, Карева, констатировал, что «со стороны группы Митина – Юдина имела место целенаправленная фальсификация взглядов “диалектиков” и, в первую очередь, самого Деборина, преследовавшая далеко идущие цели... Отвечая на вопрос о причинах столь методичных поисков для сведения счетов, нельзя оставлять без внимания то обстоятельство, что в разгроме деборинской школы, видимо, было непосредственно заинтересовано высшее партийное руководство, которое уже с начала тридцатых годов занималось развертыванием компании по подавлению инакомыслящих, страшные плоды которой Россия пожала в 1937-м году... Блестяще отработанная впоследствии техника партийного давления на работников науки и культуры набирала обороты, и на этом фоне все больше проявлялись фигуры истинных инициаторов и направляющих процесса подавления, среди которых определяющая роль, несомненно, принадлежала Сталину»²⁰.

1930 год стал переломным в истории советской марксистской философии. В течение следующего десятилетия большинство советских философов будут физически уничтожены. Под видом «советской философии» будет подаваться идеологическая «похлебка», целью которой станет, как писалось тогда, «воспитывать людей в духе беззаветной преданности Великому Сталину». Как повел себя И.К.Луппол в «год великого перелома»? Для Стэна или Карева их философская работа была частью их революционной борьбы. Поэтому борьба за свободу философствования была одновременно и борьбой со сталинской тиранией. И.К.Луппол в отличие от своих товарищей Яна Стэна, Николая Карева и др. не был человеком идейно-политически ориентированным. Вопросы идеологии и политики не были для него маяком при принятии жизненных решений. Он не стал поэтому, как Карев или Стэн, защищать обреченное на гибель дело. После Постановления ЦК о «меньшевистствующем идеализме» от 25 января 1931 г. Луппол выступил с признаниями

¹⁹ За поворот на философском фронте. М.–Л., 1931. С. 171. В этом сборнике «победителей» из группы Митина – Юдина была перепечатана рецензия Ральцевича.

²⁰ Филос. науки. 2000. № 4. С. 84–85.

на заседании своей партийной организации и подал «самокритичную» статью в редакцию журнала «Под знаменем марксизма». Статья эта напечатана не была. Привилегию напечатать покаянное письмо мог получить только тот, кто не просто объяснялся и оправдывался, но тот, кто унижался, втапывал в грязь себя и своих товарищей. До этой стадии своего трагического пути Иван Капитонович тогда еще не дошел.

Как бы он ни оправдывался, он всегда оставался под подозрением в том, что кается неискренне. В апреле 1931 г. на пленуме Общества воинствующих материалистов-диалектиков «относительно товарищей, которые выступали с признанием своих ошибок», М.Б.Митин заявил:

«В этих формальных признаниях лежит опасность. В этом отношении характерен тов. Луппол, который на словах признает ошибочность своей позиции, а на деле – в тезисах “О планировании работы в научно-исследовательских учреждениях Наркомпроса” дает явную оппортунистическую аргументацию и установку»²¹.

Подозрение было вполне обоснованным: искренне повторять тот бред, который был написан в Постановлении ЦК, мог лишь человек с очень ограниченным интеллектом и полной нравственной неразборчивостью. Ни одного из деборинцев в этом заподозрить было нельзя. Как бы они ни хотели жить и выжить, эти люди не смогли бы переступить через себя настолько, чтобы превратиться в подлецов, клеветников, доносчиков и организаторов массовых убийств. Поэтому для сталинистов-митинцев никто из деборинцев никогда не смог бы стать «своим», войти в «стаю», и все они были обречены на гибель в будущем. Пока же И.К.Луппола, как и других его товарищей, периодически «покусывали» то по одному, то по другому поводу. Так, в одном только апрельско-майском номере «Под знаменем марксизма» за 1931 год И.К.Луппола прорабатывали сразу в двух статьях. Л.Е.Арисян обнаружил в одной из работ И.К.Луппола «оппортунистическую ревизию исторического материализма»²². Что касается критического выпада механиста А.А.Ческиса, обвинившего И.К.Луппола в отсутствии социально-классового анализа философии Гассенди, его критика вполне объяснима. Они оба занимались философией Гассенди, но с позиций конфликтовавших между собой философских школ.

Из Института философии И.К.Луппол был уволен в 1931 г. вместе со всеми прочими деборинцами. Спустя пару лет И.К.Луппола стали привлекать к тем или иным институтским проектам. Ведь на протяжении пятнадцати лет И.К.Луппол был лидером историко-философской науки в России. Все коллективные монографии по историко-философской тематике, вышедшие с 1925 г., публиковались под его руководством и с его предисловиями, в крайнем случае, просто при его авторском участии: «Историко-философский сборник ИКП» (1925), «Против новейшей критики марксизма» (1929), «Из истории философии XIX века» (1933), «Краткий очерк истории философии» (1940). В эти коллективные труды И.К.Луппол постоянно включал статьи своих учеников по ИКП, МГУ и МИФЛИ.

Под руководством И.К.Луппола шла подготовка фундаментального курса истории философии Нового времени объемом 45 а. л. После обсуждения плана-проспекта книги на Президиуме Комакадемии и в Культпропе ЦК ВКП(б), И.Л.Луппол направил 14 июля 1934 г. итоговый проект, составленный с учетом всех сделанных замечаний, на имя заместителя председателя Президиума Комакадемии М.А.Савельева. Чрезвычайно интересно данное И.К.Лупполом

²¹ Правда. 1931. 10 апр.

²² Под знаменем марксизма. 1931. № 4–5. С. 75–98.

обоснование принципов предполагаемого издания. И.К.Луппол преследовал цель создать высокопрофессиональный труд, в котором философские учения не укладывались бы в прокрустово ложе идеологических схем.

«Анализ основных философских направлений ни в коем случае не должен ограничиваться общей характеристикой и описанием их классовой природы, – писал И.К.Луппол. – Центр тяжести должен быть перенесен на достаточно глубокий и подробный анализ учения разбираемых философов. Анализ социальных и естественнонаучных корней должен быть органически связан с непосредственным изложением самого философского направления»²³.

И.К.Луппол считал необходимым дать систематический курс истории философских учений от эпохи Возрождения до середины XIX в., в котором были бы показаны пути развития философии в каждой из стран, а не только очерки отдельных этапов, оказавших влияние на мировую философию. Был и специальный раздел о философии в России. Все издание должно было быть основано на научно-исследовательской разработке первоисточников и рассчитано на квалифицированного читателя (научных работников, преподавателей вузов, студентов философских отделений вузов). В архиве сохранился очень подробный и профессионально составленный план-проспект, включавший и таких философов, имен которых не найти в последующих советских многотомниках и учебниках по истории философии²⁴.

Но проект не мог быть реализован. Во-первых, потому, что книга по философии, написанная профессионально и без идеологической риторики, в годы сталинизма сама по себе уже была преступлением. Во-вторых, потому, что почти все авторы, которые были способны принять участие в создании такой книги, были расстреляны за несколько лет. В направленном в Президиум Комакадемии обосновании И.К.Луппол перечислил семнадцать философов, которых «предполагалось привлечь» в качестве основных авторов. Восемь из них, в том числе и сам И.К.Луппол, вскоре были репрессированы. Позже проект Луппола трансформировался в решение о создании «Истории философии», которое было принято дирекцией Института философии в 1936 г. Можно смело утверждать, что если бы проект Луппола был реализован, он стал бы более фундаментальным, чем «Серая лошадь» – «История философии», изданная Институтом философии в 1941–1943 гг.

В области философии И.К.Луппол был теперь лишен возможности вести нормальную научно-исследовательскую работу. Он сосредоточился на преподавательской деятельности в ИКП и в МГУ – МИФЛИ. В ИКП он преподавал с января 1925 г. до закрытия ИКП в январе 1938 г. В МГУ он начал работать в 1922 г. на факультете общественных наук, затем преподавал на историческом отделении, где был введен философский цикл, а в 1930 г. образовался историко-философский факультет. В 1931 г. этот факультет был преобразован в МИФЛИ, где И.К.Луппол продолжал преподавать. О его преподавательской манере вспоминал слушавший его в качестве студента Б.Г.Сафронов:

«Обладавший особым природным педагогическим талантом, Иван Капитонович умел заинтересовать, как никто, слушателей содержанием своих лекций. В них каждое слово было на своем месте, имело свой удельный вес, обладало силой убеждения. Каждой лекции был присущ свой простой, ясный и мобилизующий стиль, который электризовал студенческую аудиторию, делал ее очень деятельной»²⁵.

²³ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 974. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 8–11.

²⁵ Кодры. 1988. № 9. С. 125.

Интересные наблюдения за манерой выступлений И.К.Луппола сделал А.Березин, сравнивая ораторский стиль Луппола и Луначарского:

«Луначарский был оратор и трибун, а Луппол – ученый, философ. В выступлениях Луппола не было той страсти, лихости и эмоциональной напряженности, которая была свойственна Луначарскому. Он свои доказательства как бы раскладывал по отдельным полочкам, суммируя их затем в окончательные выводы»²⁶.

Прошло много лет, погибли после ареста рукописи, нет в живых слушателей, записывавших лекции И.К.Луппола. Но тексты двух лекций Ивана Капитоновича мы можем прочитать сегодня: «Вступительная лекция по истории философии Нового времени» и «К вопросу о целостном понимании философской системы Спинозы». Это одни из лучших страниц, содержащих популярное изложение историко-философских проблем. Особенно ценно, что эти лекции были прочитаны в 1929 г., до начала политического прессинга в отношении философов. Но найти их сегодня нелегко, т. к. они напечатаны в журнале, о существовании которого не подозревают современные философы – в «Бюллетене Заочно-консультационного отделения Института красной профессуры»²⁷. В этом беда нашего философского сообщества. Трудно найти публикации коллег, работавших в тех же комнатах дома на Волхонке 14 и занимавшихся сходной тематикой, если эти работы напечатаны лет пятьдесят-семьдесят назад, скажем, в журнале «Под знаменем марксизма» – о существовании этого журнала знают, хотя бы понаслышке. Но в середине 1920-х – середине 1930-х годов издавалось до двух десятков журналов, печатавших статьи по философии и рецензии на философскую литературу. Это целый мир, затерянный во времени. Правда, затерян он был намеренно и по политическим причинам. Причины эти за протекшие десятилетия претерпели полную инверсию, все знаки поменялись с плюса на минус и наоборот, а само отношение не изменилось нисколько.

После разгрома деборинской школы И.К.Луппол был вынужден переключиться с философии на вопросы литературоведения и издательского дела. В мае 1932 – июле 1934 г. И.К.Луппол возглавлял ОГИЗ, с июля 1934 г. по август 1938 г. – издательство «Художественная литература». В июне 1935 г. И.К.Луппол был назначен директором Института мировой литературы. В момент его назначения существовало лишь постановление об организации Института. И.К.Луппол энергично взялся за дело. Постепенно ИМЛ разросся, включив в свой состав Музей и Архив А.М.Горького. В связи со столетием гибели Пушкина И.К.Луппол был назначен директором Всесоюзной Пушкинской выставки и выступил с докладом на собрании, посвященном пушкинской годовщине. На основе выставки был создан Музей А.С.Пушкина. Под редакцией и с предисловиями И.К.Луппола были изданы сочинения классиков русской и мировой литературы. В июне–июле 1935 г. И.К.Луппол присутствовал на проходившем в Париже Международном конгрессе писателей в защиту культуры и выступил с докладом «Проблема культурного наследства». После этого он посетил Италию, где завязывал контакты в кругах писателей и ученых.

И.К.Луппол продолжал активно заниматься публикацией на русском языке философской классики. Главный проект, который был им реализован, – первое многотомное собрание сочинений Дидро. К философским то-

²⁶ Вопр. лит. 1990. № 9. С. 95.

²⁷ Бюллетень Заочно-консультационного отделения Института красной профессуры. 1930. № 2. С. 18–31; № 10. С. 9–32.

мам собрания И.К.Лупполом были написаны объемные предисловия. Под редакцией и со вступительными статьями И.К.Луппола вышли произведения Уриэля Дакосты (1934), Гольбаха (1936), Декарта (1936), Вольтера (1938). И.К.Луппол проводил большую работу и в области изучения русской философии. Его заслугой является возрождение имени И.П.Пнина и издание его сочинений (1934).

В 1933 г. И.К.Луппол был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1934 г. он оказался востребован в связи с проведением Первого съезда советских писателей, на котором был избран членом правления ССП. В 1934 г. он переиздал своего «Дени Дидро». В предисловии к переизданию он написал, что учел замечания критики, но постарался сохранить колорит книги, который дорог ему как память о той научной атмосфере, в которой книга создавалась. С введением ученых степеней он получил докторскую степень по философии, в которой был утвержден Президиумом Комакадемии 22 сентября 1935 г.²⁸ В 1935 г. И.К.Луппол собрал свои лучшие историко-философские статьи и выпустил их в книге «Историко-философские этюды». При этом он продолжал занимать ответственные посты в издательском деле и быть заметной фигурой в Союзе советских писателей. Рост общественной значимости фигуры И.К.Луппола не мог не беспокоить занявших по велению Сталина все ключевые посты в советской философии. Конечно, по выходе второго издания «Дени Дидро» своевременно появилась рецензия, в которой не только говорилось об «игнорировании» И.К.Лупполом «указаний» Маркса, Энгельса и Ленина в отношении Дидро, но даже утверждалось, что сама книга написана неудачно²⁹. Но этого было явно недостаточно, чтобы пресечь новое возвышение фигуры И.К.Луппола, поставить его «на место».

Понадобилась новая рецензия на «Дени Дидро», теперь уже в установочном журнале «Под знаменем марксизма», которая заняла объем средней статьи, обычно рецензиям не свойственный. Рецензия была подписана ученым секретарем Института философии Ф.В.Константиновым. Здесь уже не было высказываний о том, что книга И.К.Луппола «неудачна». Напротив, рецензент отметил и «большую эрудицию» автора, и добросовестное изучение им множества источников. Но суть оценок от этого не изменилась, стала даже жестче. Дорого обошлась Лупполу фраза о «колорите» книги. Рецензент откровенно издевался над Лупполом, говоря, что тот называет колоритом свои политические ошибки. Константинов заявил, что у Луппола «концы с концами не сведены», что он «вступает сам с собой в кричащие противоречия». При этом сам Константинов спутал онтологию с гносеологией: у него теория познания решает вопрос об отношении мышления к бытию, в том числе и вопрос о материи и ее свойствах³⁰. Такого не написал бы даже старшекласник. Главное же в рецензии Константинова – это официальная констатация того, что Луппол «продолжает стоять на старых разбитых позициях»³¹.

Собственно, после 1930 г. вся жизнь И.К.Луппола была отравлена уколами, преследованиями, клеветой завистников-сталинистов. Он все время находился на подозрении. Любой повод использовали, чтобы травить деборинцев вообще и И.К.Луппола в частности.

²⁸ Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия при ЦИК СССР (1918–1936). М., 2009. Вып. II. С. 202.

²⁹ За большевистскую книгу. 1934. № 20. С. 13–14.

³⁰ Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 215, 206.

³¹ Там же. С. 205.

Приближался 1937-й год, истерия поиска врагов шла по нарастающей, а Луппол был заметной фигурой. Что прочитал в рецензии на свой большой исследовательский и публикаторский труд человек, совершивший культурный подвиг, издавший в России 10-томное собрание сочинений Дидро? Что он проявил в этом издании «антимарксистский подход», «следуя взглядам меньшевистствующего идеализма», что он «не раскрыл творчества Дидро в свете указаний Ленина». И далее:

«Луппол нигде до сих пор не удосужился дать критику своих меньшевистствующе-идеалистических взглядов, несмотря на решение ЦК ВКП(б), осуждающее взгляды этой антипартийной школки. Будучи одним из руководителей этой враждебной марксизму-ленинизму школки, Луппол обязан был выступить с критикой не только собственных произведений, но и произведений своих соратников по этой школке. Большинство участников этой школки оказалось прямыми врагами советской власти – белогвардейцами-террористами. А известно, что Луппол в свое время подписал вместе с Дебориным, Каревым, Стэнном, Подволоцким и др. подлейшую статью, в которой покрывались троцкистские взгляды террориста Карева (см. № 5 журнала “Под знаменем марксизма”). Луппол пытался и пытается замолчать этот политический факт»³².

Вот что стало нормой: важно было не только безудержно каяться самому, но и клеветать на товарищей, предлагать их вместо себя прожорливому Левиафану! Молчание Луппола, стремление сохранить собственное достоинство, нежелание унижаться, отвечая всерьез на абсурдные обвинения, тоже получили свою квалификацию: «барски-высокомерное отношение к критике»³³. Не следует думать, что это образное выражение рецензента. Это устойчивая формула, один из излюбленных штампов сталинских инквизиционных процессов, элемент формулы обвинения, предшествовавший ярлыку «неразоружившийся троцкист», за которой обычно следовала передача обвиняемого из рук духовного правосудия в руки светской власти: из партийного контроля в НКВД.

По сравнению с этими намеками на уголовное обвинение в терроризме, означавшее расстрельную статью, замечания других рецензентов собрания сочинений Дидро выглядят вполне безобидными. Но и они весьма показательны. Что раздражало коллег в предисловиях и комментариях И.К.Луппола к томам Дидро? Его знание предмета, квалификация, до которых им было не дотянуться. В рецензии на философскую книгу разбор ведется в хулиганском стиле:

«И.К.Луппол, следуя худшим образцам буржуазного “академизма”, пошел в своей статье по пути безыдейного, крохоборческого биографизма вроде выяснения отношений Дидро к матушке мадемуазель Волан или расследования того, в чьей карете ездил Дидро в Лангр»³⁴.

В сказанном нет преувеличения. Луппол с его выдающимися разносторонними способностями, с его европейской образованностью не вписывался в формат философа «сталинской эпохи». Все бы ничего, но масштаб результатов его работы был таков, что не мог оставаться незамеченным. Последней каплей, переполнившей «чашу», стало издание его «Дени Дидро» во Франции. Это было первое за двадцать прошедших после революции лет издание книги советского философа за границей, сделанное по инициативе зарубежного издательства. Выдающийся успех национального значения? Повод для

³² Книга и пролетарская революция. 1936. № 10. С. 49.

³³ Там же.

³⁴ Там же. 1937. № 8. С. 62.

поздравлений? Вовсе нет! Рецензия на французское издание книги Луппола, напечатанная в советском журнале, была озаглавлена так: «Меньшевистствующе-идеалистический товар под маркой марксизма»³⁵. К счастью, французские издатели-демократы в марксизме разбирались. «Боевые вопросы материалистической диалектики» Митина или «В чем сущность борьбы партии на два фронта в философии?» Юдина переведены не были. И наибольшую ненависть рецензентов вызвало то, что книга Луппола имела большой успех у французских читателей и положительно оценена французской прессой.

Поэтому слова из передовой журнала «Под знаменем марксизма» И.К.Луппол воспринял как приговор: «И.Луппол – автор идеалистической и насквозь антимарксистской книги о Ленине, один из вожakov меньшевистствующего идеализма, исключительно ловко “маневрируя”, ни разу не удосужился выступить в печати со сколько-нибудь внятной критикой меньшевистствующего идеализма... Эти факты указывают на то, что И.Луппол не намерен критиковать взгляды меньшевистствующего идеализма и, видимо, не хочет считаться с тем, что меньшевистствующий идеализм есть рогожное знамя, которым троцкистско-зиновьевская нечисть прикрывала свою злодейскую террористическую работу»³⁶. Именно последние слова были самыми страшными. «Терроризм» был тогда обвинением, которое выдвигалось против тех, кого обрекали на смерть.

И.К.Луппол прекрасно понимал, что ведется подготовка его ареста. Он знал общую практику тех лет: объявление того или иного философа в «троцкизме» на страницах «ПЗМ», его арест органами НКВД, затем перекалфикация обвинения на страницах «ПЗМ» из троцкизма в терроризм, и, наконец, расстрельный приговор, повторяющий обвинительную формулу, составленную в редакции «ПЗМ». Многие коллеги Луппола уже ушли этим путем. Угроза ареста по расстрельному обвинению была совершенно недвусмысленной. Охваченный страхом, стремясь отвлечь худшее, разжать лапу смерти, сдавившую его горло, И.К.Луппол написал покаянное «письмо» в редакцию журнала «Под знаменем марксизма». Письмо получилось объемом с изрядную статью и было напечатано под названием «Выводы и уроки»³⁷. Все содержание письма И.К.Луппола свелось к воспроизведению тех обвинений, которые выдвигались против деборинцев, начиная с Постановления ЦК от 25 января 1931 г. и кончая цитирувавшейся передовой журнала «Под знаменем марксизма». Другое дело, что ни Сталину, ни его клеветам не удалось изложить весь этот бред с таким литературным талантом и видимостью логичности, как это сделал Луппол в своем «письме». Совершенно прав был И.И.Яхот, сказавший о «письме» Луппола: «Талантливый автор, он и этот трагический документ написал не без таланта»³⁸. Он воспроизводит сталинистскую клевету и глупости лучше, чем могли их авторы – Сталин, Митин, Юдин и др.

Покаянное «письмо» Луппола больно читать. Автор унижается, втаптывает в грязь прежде всего себя, а заодно своего учителя Деборина и своих товарищей Стэна и Карева. В этом и состояла цель ритуального покаяния, к которому настойчиво подталкивали И.К.Луппола: уничтожить в человеке все нравственные преграды, превратить его в пособника убийц, довести до состояния, когда он становится готовым на любые признания в отношении

³⁵ Книга и пролетарская революция. 1936. № 11. С. 47–50.

³⁶ Под знаменем марксизма. 1936. № 8. С. 10.

³⁷ Там же. № 11. С. 181–192.

³⁸ Вопр. философии. 1991. № 10. С. 98.

себя и других, когда он будет с помощью лжи оправдывать и благословлять своих убийц, и так, его же руками вырыть ему могилу. Каяться заподозренному в способности к самостоятельному мышлению приходилось все время, по нарастающей, и всякого покаяния в несуществующих преступлениях было мало, до тех пор, пока человека не уничтожали. Покаяние не было путем к спасению: на этом самообмане попадались многие, в том числе и И.К.Луппол. Покаявшегося «до конца» всегда ждала смерть, так как он становился теперь совсем бесполезным палаческой системе. Все, что написал И.К.Луппол в этом вынужденном покаянном «письме» о своих сочинениях, не соответствует его собственным текстам. Он признал идеалистическими и безоговорочно осудил все написанные им книги. Он дал окарикатуренные образы Деборина, Стэна и Карева, причинивших якобы «большое зло» философии. И.К.Луппол хорошо помнил, что в постановлении ЦК о «меньшевистствующем идеализме» и прочих аналогичных документах его фамилия шла четвертой, сразу после этих трех.

Несет ли Луппол нравственную ответственность за ту издевательскую клевету, которая появилась за его подписью в адрес его учителя и его товарищей? Он хотел жить и работать. Причем работать по специальности и в тех масштабах, которые давала руководящая должность. Б.Г.Сафронов говорил автору настоящей статьи, что И.К.Лупполу был присущ карьеризм. Имеется в виду, конечно, не карьеризм Митина или Юдина, готовых любыми способами достигать высокой должности ради тех благ, которые эта должность предоставляет. И.К.Луппол как по своей внутренней интеллектуальной подготовке, так и по своему внешнему культурному облику идеально соответствовал креслу директора академического института и знал об этом. Он не хотел потерять должностное положение, которое давало ему возможность реализовывать творческие замыслы во имя развития русской философии, науки и культуры.

Как бы ни повел себя Луппол в этой ситуации с покаянным письмом, это не повлияло бы на судьбу его товарищей. Она была предрешена так же, как и его собственная судьба. Но первое он знал наверняка, во втором же продолжал сомневаться, как и всякий человек, живущий надеждой. Под дулом пистолета он преступил моральные нормы и предал товарищей. Но можно ли осудить его за этот шаг? На нем ли лежит моральная ответственность? Ни доносом, ни самодоносом письмо Луппола не является, поскольку в нем нет абсолютно ничего нового по сравнению с теми обвинениями, которые вот уже семь лет выдвигались в писаниях сталинистов. Письмо Луппола – ритуальный акт, выполненный по правилам сталинских «игр» в «критику и самокритику».

Остается вопрос: имело ли написанное Лупполом в покаянном письме в редакцию журнала «Под знаменем марксизма» какое-нибудь отношение к тому, что он думал на самом деле, и прежде всего относительно своего учителя А.М.Деборина. Их отношения несколько не изменились. Они просто старались не общаться, чтоб тем не повредить друг другу, чтоб не усугубить своего положения. Публикуемый ниже документ исчерпывающе проясняет поставленный вопрос. Это представление, которое в 1939 г. написал А.М.Деборин, рекомендуя И.К.Луппола к избранию в действительные члены АН СССР. Как рассказывает вдова А.М.Деборина Ирина Иезекиилевна, последний раз А.М.Деборин и И.К.Луппол виделись в Большом театре на спектакле, закупленном Академией наук после торжественного заседания к

215-летнему юбилею Академии. Луппол был на спектакле вместе с известной красавицей – вдовой Максима Пешкова. Отметим, между прочим, что А.М.Деборин, по свидетельству его вдовы, никогда не осуждал тех, кто давал на него показания под угрозами ареста, карцера, расстрела. А таких людей было много десятков. Самого же А.М.Деборина готовили в качестве жертвы для самой грандиозной сталинской постановки: антисемитского процесса над партийной, научной и культурной элитой. Но спектакль не состоялся за смертью режиссера.

В 1937 г. П.Ф.Юдин занял пост директора ОГИЗа. Вскоре после назначения в ОГИЗ П.Ф.Юдин написал в ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлису о том, что аппарат ОГИЗа «засорен вредителями», с которыми он намерен бороться. Юдин провел массовые увольнения работников издательств, входивших в систему ОГИЗа. Людей арестовывали, некоторые кончали жизнь самоубийством. В коллективе ОГИЗа Юдин искусственно создавал обстановку взаимной подозрительности. В «засоренности» аппарата ОГИЗа «шпионами» Юдин обвинил прежних руководителей. В 1938 г. Куйбышевский райком вынес И.К.Лупполу выговор без занесения в личное дело за притупление партийной бдительности, выразившееся в том, что он не принял мер к освобождению редакторского аппарата Госиздата от враждебных элементов³⁹.

Луппол вызывал раздражение не только как деборинец, но, главное – как успешный конкурент. И он, и Юдин занимали те же должности: директор ОГИЗа, член Правления ССП. Им обоим ЦК поручил курировать жизнь писателей и вопросы культуры. Только способности у них были несравнимые. Пока Юдин писал в ЦК доносы на Горького, Киришона, Авербаха, Бруно Ясенского, Пашуканиса⁴⁰, Луппол выступал на Международных конгрессах и печатался за границей. На пять лет раньше Юдина он стал членом-корреспондентом, несмотря на совершенно разное отношение к ним в ЦК. Когда же Юдина, наконец, избрали членом-корреспондентом, Луппол стал академиком. Поэтому, когда задумываешься над вопросом о причинах падения и гибели И.К.Луппола, первое, что надо сделать, поставить классический вопрос «Кому выгодно?».

3 октября 1940 г. академик В.И.Вернадский записал в своем дневнике: «Луппол смещен в связи с его антигерманскими настроениями. Его свалил Юдин, который выдвигается»⁴¹. Академик Вернадский был, как известно, человеком очень информированным. И.К.Луппола он знал, имел с ним дело при решении вопроса об издании натурфилософских сочинений Гёте, и считал его несимпатичным, но высокообразованным и культурным человеком. Из дневниковой записи становится понятным, что в обстановке, сложившейся после заключения советско-германского пакта, Юдин сумел сыграть на антифашистских настроениях Луппола и, подставив его, таким образом добиться снятия его с поста директора Института мировой литературы. По распоряжению сталинского режима за увольнением обычно следовал арест, причем, как правило, – чтоб было меньше шума – в дороге, в командировке, при фиктивном назначении на должность в другом регионе, на курорте. Последний прием был применен к И.К.Лупполу. Он был арестован в конце февраля 1941 г. в санатории в Кисловодске.

³⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 152611. Л. 38.

⁴⁰ Письма Юдина в ЦК и на имя Сталина хранятся как в РГАСПИ, так и в Архиве АН СССР.

⁴¹ *Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 2: 1939–1941. М., 2008. С. 128.*

Есть несколько версий о причинах ареста И.К.Луппола. Не следует противопоставлять их друг другу. Как часто бывает, причины переплетались, дополняя друг друга, но была главная, движущая причина, о которой мы сказали выше. К числу прочих причин относят близкое, неформальное общение Луппола с семьей Горьких-Пешковых и «играми» НКВД вокруг этой семьи. Еще одной причиной считается предложение Луппола о замене кириллицы на латиницу у ряда языков народов СССР, вызвавшее раздражение Сталина. Предложение это Луппол высказал «по службе», как один из высших чиновников Наркомпроса, оно готовилось несколько лет и отражало мнение части руководства Наркомпроса. Сегодняшние наследники Сталина видят в реакции Сталина на предложение Луппола очередной подвиг вождя в борьбе с троцкистами – «ненавистниками» русского народа⁴². То, что Луппол никогда не был троцкистом, их не интересует: сталинскую мифологию нужно продолжать подпитывать.

В любом случае Иван Капитонович Луппол был обречен на гибель как деборинец. Он сумел лишь оттянуть трагический финал на несколько лет. Он был приговорен к расстрелу, а через несколько месяцев после начала войны этапирован в Саратов, где содержался в камере смертников вместе с Николаем Ивановичем Вавиловым.

В отличие от трагедии марксистской философии в СССР трагическая судьба советской генетики заинтересовала журналистов и ученых еще в 1960-е гг., когда Постановление ЦК о меньшевистствующем идеализме никто не отменял. Поэтому низкий поклон всем тем, кто самоотверженно восстанавливал правду о последних месяцах жизни Н.И.Вавилова. Тем самым они рассказали нам и о последних месяцах жизни И.К.Луппола. Прежде всего здесь надо назвать Марка Поповского и его книгу «Дело академика Вавилова». Он самоотверженно по крупицам собрал информацию, зная, чем рискует, и, в конце концов, заплатил за свою деятельность высылкой из СССР. Некоторые современные ученые, например Е.С.Левина, известный специалист по истории генетики в сталинский период, критически высказываются в адрес сочинений Марка Поповского, находят у него «множество неточностей и ошибок, натяжки, склонность полагаться на ненадежные устные свидетельства, наличие литературных домыслов и неоправданных выводов»⁴³. Поповский и правда не был ученым. Однако журналистскую манеру изложения фактов не следует путать с недостоверностью самих фактов. Мы можем несколько прояснить вопрос о степени достоверности приводимых М.Поповским сведений о конце жизни Вавилова. Он в основном базируется на воспоминаниях А.И.Сухно. Кто такой Сухно? Как он причастен к этой истории? Об этом не говорится ни слова ни у Поповского, ни у Левиной. Между тем, для прояснения подлинной картины происходившего необходимо знание деталей.

Андрей Иванович Сухно родился в 1900 г.⁴⁴ Он был участником Гражданской войны. Окончил философское отделение Института красной профессуры. В 1930-е гг. он служил Уполномоченным Главлита по философии при Соцэкгизе и по должности имел дело сначала с Лупполом, а потом с Юдиным. Сухно свирепствовал как цензор. Неоднократно писал в ЦК и лично Сталину о «неблагополучии» с изданием философской литературы,

⁴² Правда. 2006. 3–6 марта.

⁴³ Природа. 1992. № 8. С. 124.

⁴⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 32745; учётная карточка члена КПСС № 09402703 (1973).

о том, что не выполняются указания вождя по борьбе с меньшевистствующим идеализмом. В период, когда ОГИЗ возглавлял Луппол, ряд книг по философии по указанию этого цензора были конфискованы при сдаче в печать, а набор их рассыпан⁴⁵. С другой стороны, когда ОГИЗ возглавил Юдин, тот не потерпел такого вмешательства в свои дела со стороны цензора, а самого Сухно посчитал (на самом деле – необоснованно) причастным к известной тогда «Шабалкинской группе» – группе философов из ИКП, боровшихся в 1931–1932 гг. против монополизма группы Митина – Юдина в философии, но с радикально сталинистских позиций. Конфликт с Юдиным закончился для Сухно исключением из партии, увольнением с работы и арестом. Впоследствии А.И.Сухно сумел выйти из тюрьмы, был восстановлен на преподавательской работе и умер ветераном партии⁴⁶. В свете сказанного ясно, что, во-первых, Сухно как свидетель видел и знал многое, во-вторых, он не был ни сторонником деборинцев, ни сторонником митинцев, представлял собой относительно нейтральную фигуру. На его свидетельствах Марк Поповский строил свою реконструкцию событий, происходивших в Саратовской тюрьме в 1941–1942 гг. Все это хорошо известно из книги Поповского, но заслуживает быть приведенным здесь, чтобы закончить рассказ о трагическом пути академика Луппола⁴⁷.

16 октября 1941 г. в связи с приближением немецко-фашистских войск к Москве заключенные московских тюрем были свезены на вокзалы для отправки в тюрьмы Саратова, Оренбурга и Куйбышева. А.И.Сухно вспоминал:

«Нас привезли из Бутырок на Курский вокзал что-нибудь около полуночи. Стража с собаками оцепила всю привокзальную площадь и приказала нам стать на четвереньки. Накануне в Москве выпал первый снег, он быстро растаял, и жидкая холодная грязь растекалась по асфальту. Люди пытались отползать от слишком больших луж, но этому мешала теснота, да и стража, заметив движение в толпе заключенных, принимала крутые меры. Сколько нас там стояло? Думаю, что не менее десяти тысяч, а может, и больше. По одежде и по внешнему облику все те, кого я видел ночью, с кем ехал потом в поезде, были московские интеллигенты. Так на четвереньках простояли мы часов шесть. Рассвело. На улицах стали появляться прохожие. Поднимать голову было настрого запрещено, но мы явственно слышали по своему адресу выкрики: “Шпионы! Предатели!” Наконец подали вагоны, те самые “столыпинские”. В “купе”, где царские жандармы возили пятерых заключенных, стража с красными звездами на фуражках набивала по 20–25 человек. Сидеть приходилось по очереди. От духоты и усталости люди теряли сознание».

До Саратова поезд шел недели две. В дороге заключенные голодали так, что к концу пути стали настоящими скелетами. 29 октября 1941 г. в Саратове заключенных снова поставили на четвереньки, потом, раздевая догола, обыскивали и, наконец, после «санобработки» под душем с ледяной водой, развели по камерам. В корпус № 3 попали академики Н.И.Вавилов, И.К.Луппол, Д.Б.Рязанов, Ю.М.Стеклов. Луппол жил здесь в подвале в камере смертников: в узкой каменной щели, которую в мирное время использовали как карцер-одиночку, вместе с Вавиловым и инженером И.Ф.Филатовым. Филатов выжил и рассказывал впоследствии, что Иван Капитонович – сорокапятилетний красавец, сделавший блестящую научную и служебную карьеру, не пере-

⁴⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15785. Л. 139-об, 158, 161.

⁴⁶ Сухно Андрей Иванович (Некролог) // Московский университет. 1979. 12 янв.

⁴⁷ Здесь и далее: *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М., 1990. Гл. 10.

ставал удивляться бедам, которые на него обрушились. Тем не менее тяготы тюрьмы сносил он стойчески и товарищем оказался неплохим. И.Ф.Филатов говорил, что счастлив оттого, что хоть в тюремной камере повстречал таких душевных, отзывчивых и умных людей, как Вавилов и Луппол. Марк Поповский приводит рассказ И.Ф.Филатова:

«Камера была очень узкая, с одной койкой, прикованной к стене, окон не имела. Находилась эта камера в подвальном помещении тюрьмы. Тюрьму эту многоэтажную арестанты по сходству со знаменитым многопалубным кораблем, погибшим в Атлантике, звали “Титаник”. В камере кругло-суточно горела лампочка. Жара, духота. Температура доходила до тридцати градусов. Сидели потные. Одежду свою – холщовый мешок с прорезью для головы и для рук заключенные называли хитоном. На ногах лапти, плетенные из коры липы. Луппол говорил, что такую одежду носили рабы в Древнем Риме. Питание было трехразовое: две ложки каши и миска супа из тухлых соленых помидоров с кусочком ржавой селедки – обед и ложка каши на ужин. Кроме того, полагалось триста или четыреста граммов черного хлеба из ячменной муки. Передачи и приобретения для этой категории заключенных были запрещены».

Рассказ о том, как кормили заключенных, дополняет А.И.Сухно, сидевший в том же корпусе № 3 в камере напротив камеры смертников: «Утром теплая водичка с солью вместо сахара. Хлебная пайка на сутки – триста граммов. Хлеб был, как правило, сырой, недоброкачественный. В обед получали мы баланду – болтушку из муки, откуда иногда удавалось выудить рыбью голову. Из-за этой “гущи” в камере то и дело вспыхивали ссоры и даже драки. На ужин давали похлебку из зеленых помидоров. И совсем уже редко заключенным доставался сахар: что-нибудь чайная или столовая ложка. Засыпали прямо в ладонь. Кашу и селедку давали только тяжелобольным по назначению врача».

Вавилов и Луппол пробыли в камере смертников около года. За это время их из тюремного подвала ни разу не вывели на прогулку. Им было запрещено переписываться с родными, получать передачу, книги. Их не только не выпускали в баню, но даже мыло для умывания в камере было им «не положено».

Несмотря на нечеловеческие лишения, заключенные камеры смертников Саратовской тюрьмы нашли в себе силы держаться: «Вавилов навел дисциплину в камере. Ободрял своих товарищей. Чтобы отвлечь их от тяжелой действительности, завел чтение лекций по истории, биологии, лесотехнике. Лекции читали по очереди все трое. Читали вполголоса, при громком разговоре вахтер открывал дверь или смотровое окно и приказывал разговаривать только шепотом. На койке спали в порядке очереди двое. Третий дремал за столом, прикованным к стене и к полу камеры. Так проходил день за днем: утром после завтрака лекции, потом отдых, обед, снова лекции до ужина и сон».

Но это относительно спокойное существование закончилось после того, как к ним в камеру посадили заключенного, лишившегося разума в тюрьме. По воспоминаниям А.И.Сухно, «к двум академикам посадили какого-то умалишенного, который отнимал у них утреннюю пайку хлеба. Остаться без хлеба в тех условиях – верная смерть. Луппол и Вавилов, естественно, пытались справиться с безумным, но тот пускал в ход кулаки и зубы и не раз выходил из этой “битвы за хлеб” “победителем”».

Н.И.Вавилов и И.К.Луппол неоднократно писали в инстанции с просьбой о пересмотре их дел. 13 июня 1942 г. зам. наркома внутренних дел В.Н.Меркулов обратился к председателю Военной коллегии Верховного

Суда СССР В.В.Ульриху со специальным письмом и от имени НКВД СССР предложил заменить смертный приговор двум академикам 20-летним сроком заключения, поскольку их можно использовать на работах, имеющих оборонное значение. 23 июня 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР заменил Лупполу и Вавилову расстрел заключением в ИТЛ НКВД СССР сроком на 20 лет. 4 июля 1942 г. постановление было объявлено узникам. Вавилова и Луппола из подвала перевели в общую камеру на первом этаже. Там было так же голодно и так же тесно. В камере № 57, рассчитанной на трех человек, сидело человек десять–пятнадцать. Из-за тесноты заключенные спали только на боку. Ночью на нарах люди не могли перевернуться с одного бока на другой поодиночке, переворачиваться должен был весь ряд. В душной спертый атмосфере камеры арестанты то и дело теряли сознание. Арестантов выводили на прогулку (десять минут по асфальтовому дну красного кирпичного колодца). Им полагалась баня, а владельцы денежных сумм могли даже купить в тюремном ларьке пучок зеленого лука или пачку махорки.

Вскоре И.К.Луппола отправили в Мордовские лагеря, где он ужасно страдал от голода. В последнем письме из лагеря он умолял жену прислать ему немного сухарей. Умер Иван Капитонович Луппол в лагере 26 мая 1943 г.

Когда началась реабилитация жертв сталинизма, вдова И.К.Луппола обратилась с письмом с соответствующие органы. Спустя тринадцать лет после смерти 26 мая 1956 г. И.К.Луппол был реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР. 20 июля 1956 г. он был восстановлен в звании действительного члена АН СССР.

Но этой формальной реабилитации было явно недостаточно. Важнее была реабилитация научная. В 1960 г. при участии учеников И.К.Луппола М.М.Григорьяна и А.П.Примаковского был переиздан «Дени Дидро». «Пробил» переиздание книги А.М.Деборин. В годы реабилитации он регулярно писал в различные органы письма, в которых давал блестящие характеристики своим погибшим ученикам и коллегам – когда такие письма были необходимы для их посмертной реабилитации. В данном случае ему удалось сделать больше. Благодарная вдова И.К.Луппола написала А.М.Деборину следующее письмо:

«Глубокоуважаемый Абрам Моисеевич!

Пишу Вам коротенькое письмо, т. к. не хочу утомлять Вас личным посещением и ценю Ваше дорогое время. Как много дали Вы при жизни Ивану Капитоновичу, и как должна быть благодарна я Вам за содействие и товарищескую помощь при переиздании в настоящее время книги Ивана Капитоновича.

Примите ее от меня. Сердечное спасибо Вам. Желаю Вам здоровья и всего, всего лучшего.

М.Луппол. 27 февраля 1961 г.».

Последнее письмо А.М.Деборину было написано вдовой И.К.Луппола, когда академик находился в больнице, откуда уже не вышел:

«Глубокоуважаемый Абрам Моисеевич!

Поздравляю Вас с Новым годом и от всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления от болезни, которая на время вывела Вас из строя и отрывает от столь важной и нужной работы.

Я хорошо помню, как говорил мне Иван Капитонович: “Когда приглашали профессора-философа в Институт красной профессуры, Владимир Ильич указал на Вас как на достойного философа-материалиста”. Ваши труды и выступления даже на общих лекциях, которыми заслушивались Ваши учени-

ки, являются блестящим подтверждением этого. Ведь Вы наш крупнейший ученый в этой области, которая требует громадных всесторонних знаний и особой одаренности.

Выздоровливайте, дорогой Абрам Моисеевич, и чем скорее, тем лучше. Искренне желаю Вам этого.

Мое поздравление и наилучшие пожелания шлю Ирине Иезекиилевне. Всего, всего лучшего.

М.Луппол. 1 января 1963 г.»

Однако, как констатирует Н.Б.Коршунов, «процесс научной реабилитации дебординцев затянулся до середины 1990-х гг. и по некоторым вопросам не завершен до сих пор»⁴⁸. К несчастью, это – чрезмерно оптимистичная оценка положения дел. В действительности до научной реабилитации А.М.Деборина и его учеников еще далеко.

До 1991 г. могли появляться лишь отдельные статьи, где ложь была перемешана с небольшой дозой правды. Иначе и быть не могло. Ключевые позиции в философии продолжали занимать организаторы массового уничтожения философов-марксистов в нашей стране. В результате попытки вспомнить о дебординцах не обходились без курьезов. Положительным фактором было появление в 1982 г. статьи Г.Д.Балычевой об И.К.Лупполе⁴⁹. Но по иронии истории И.К.Луппол в этой статье и других статьях тех лет ставился в один ряд с разработчиками «ленинского этапа в философии». Фамилия его шла «через запятую» с фамилиями его палачей. После 1991 г. сталинистские оценки советской философии отошли в тень, но не сошли на нет. В 8-м издании «Философского словаря»⁵⁰ есть статьи о Митине, Юдине, Константинове, Ильичеве, Федосееве. Но статьи о Лупполе там нет.

С другой стороны, авторы, руководствующиеся антикоммунистическими мотивами, целенаправленно искажают историческую истину о дебординской школе. Заимствуя словосочетание «подавление философии» из книги И.И.Яхота, они утверждают, что деятельность дебординской школы была «некомпетентным вмешательством в научные области» и представляла собой «громадную опасность для науки», и даже заявляют, что деятельность дебординской школы задержала на несколько десятилетий развитие генетики в СССР⁵¹.

Наконец, с третьей стороны, философы, называющие себя сегодня «творческими марксистами», повторяют все те измышления, которые были сочинены о дебординцах Митиным и другими сталинистами. Примером может служить книжка С.Н.Мареева, где после ряда нелепых ошибок, свидетельствующих о незнании автором своего предмета, от имени «творческого марксизма» повторены все пункты Постановления ЦК 1931 г., а Сталин вновь провозглашен верным ленинцем⁵².

Может быть, кому-то покажется утомительным перечисление в статье всех укулов и укусов, которые пришлось претерпеть герою нашего очерка? Может, их стоило лишь бегло перечислить и все? Но академик Луппол пережил все эти оскорбления и унижения вместе и каждое в отдельности,

⁴⁸ Филос. науки. 2002. № 6. С. 65.

⁴⁹ Балычева Г.Д. Значение трудов И.К.Луппола в обосновании и разработке проблем истории философии как науки // Вестн. Моск. ун. Сер.: Философия. 1982. № 2. С. 47–55.

⁵⁰ Философский словарь / Сост.: П.П.Апрышко, А.П.Поляков, Ю.Н.Солодухин. М., 2009.

⁵¹ Русская философия. Малый энцикл. словарь. М., 1995. С. 414.

⁵² Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М., 2008. С. 17, 37, 141, 371 и др.

каждое стало для него ступенью на крестном пути к смертному приговору и голодной смерти в аду лагеря. И ни одно событие этого пути не было какой-то случайностью, а имело свои причины, в том числе и причины, имеющие свои «имя, отчество и фамилию», и каждое принадлежит социальной истории философии в России, если эту историю исследовать не поверхностно, но научно и честно.